

АНДРЕЙ КУРЕЙЧИК

e-mail: kureichik@belarustoday.info
a_kurei@mail.ru

url: kureichik.belarustoday.info

ДЖАН

(По мотивам одноимённой повести Андрея Платонова)

Действующие лица:

НАЗАР, молодой нерусский человек.

ОНА – все, с кем он говорит...

КУКЛОВОД ...

ДЕЙСТВИЕ 1.

Летняя ночь. Дворик института. Играет музыка, и тени людей свидетельствуют, что идёт студенческий праздник, и все веселятся. Чагатаев вышел во дворик, и заметил спрятавшуюся там от общего веселья женщину.

Сцена 1.

Назар. ...Другие женщины, оставшиеся за столом, были счастливы от внимания своих друзей, от окружавшей их природы и от предчувствия своего будущего, равного по долготе и надеждам бессмертию. Она одна между ними была без цветов и конфетти на голове. К ней никто не склонялся с шутливыми словами, и она жалко улыбалась, чтобы показать, что принимает участие в общем празднике и ей здесь приятно и весело. Глаза же её были грустны и терпеливы, как у большого рабочего животного... *(Женщина в уединении накладывает себе на волосы цветы и ленты. Она украдкой любит себя).* «Как тебя зовут?».

Вера. Вера. *(Она показывает).*

Назар. Она была дипломницей химического института. Я пригласил её танцевать, хотя сам не умел... *(Они танцуют).* Но она танцевала отлично и вела меня в такт музыке, как нужно. Её тело, привыкшее к дикой робости, теперь с доверием прижималось ко мне, полное поздней девственности, пахнувшее добрым теплом, как хлеб. Я забылся около неё... *(Они танцуют, хотя праздник вокруг них угасает...)* «Я утомилась, мы ведь не спали, -- сказала она мне. -- Давайте прощаться». «Ничего, -- ответил я. -- Я скоро уезжаю, давайте немного побудем». Она жила в новом, большом жилище. *(Ей).* «Пойдёмте к вам, вы ляжете, а посижу около вас и потом уйду. *(Вера думает и потом соглашается. Её комната. Чагатаев обнимает её, но это не вызывает у неё радости, и у неё беззвучно из глаз текут слёзы).* «Я ведь беременная», -- сказала она мне. «Пусть!» «Нет! -- показала она мне. -- Я ничего не могу»... Она сказала, что у неё недавно умер муж. А мёртвого трудно забыть. И что ребёнок, когда родится, он не увидит отца, а одной матери ему мало будет... «Теперь я буду его отцом», -- сказал я. *(Они обнялись).* Под вечер мы зарегистрировались в ближайшем загсе.

С тех пор я каждый день приходил по вечерам в гости к Вере. *(Она его ждёт, а когда он приходит, обнимает).* Я обращался с ней крайне осторожно, храня в ней ребёнка от погибшего отца. Но я ещё не был её настоящим мужем, она всё время отклоняла моё сожительство -- с нежностью и страхом, чтобы не обидеть меня и... чтобы не отдаться мне. *(Они муж и жена, живут вместе).* Но я не мог вынести своего чувства к Вере на одной духовной и бесчеловечной привязанности! И однажды я заплакал над нею, когда она лежала на кровати, по виду беспомощная, но улыбающаяся и непобедимая...

Сцена 2.

Вскоре я получил назначение на работу: мне нужно было уезжать на родину, в середину азиатской пустыни, где жила или уже давно умерла моя мать. *(Вера неожиданно превращается в его мать, Гюльчитай. Весь антураж меняется, превращаясь в тень далёкой пустыни. Гюльчитай отправляет сына в далёкое странствие...).* Пятнадцать лет назад я пропал оттуда. Моя мать, Гюльчитай, надела на меня шапку-папху, положила в сумку кусок старого чурека и ещё добавила лепёшку, испечённую из растёртых корней камыша, катрана и ярмалыка, затем дала тростинку в руку, чтобы вместо старшего друга шло растение рядом, и велела идти. «Встретишь отца -- не говори с ним. Пусть отец твой

будет незнакомым человеком», -- сказала она мне. «Не хочу уходить!» «Нет! – прогоняла она меня. – Я уже так слаба, что любить тебя не могу. Живи теперь один. Я забуду тебя». (Гюльчитай отходит).

Я стоял на краю тёмной земли, павшей вниз; далее начиналась песчаная пустыня, более счастливая и светлая. И среди песчаных бугров в тот исчезнувший детский день ютился мелкий ветер. (*Женщина превращается в ветер*). Я прислушался к этому ветру и повёл глазами за ним, чтобы увидеть его и быть с ним вдвоём, но ничего не увидел, и тогда я закричал... Ветер пропал от меня – никто не отозвался... (*Ветер исчезает*). Шершавый куст (*Женщина превращается в куст*) – бродяга, по-русски – перекасти-поле, без ветра слонялся и перекаtywался по песку, уходя отсюда мимо. Куст был пыльный, усталый, еле живой: он не имел никого – ни родных, ни близких, и всегда удалялся прочь... Я потрогал его ладонью и сказал ему: «Я пойду с тобою, одному мне скучно – ты думай про меня что-нибудь, а я буду про тебя. А с нею я жить не хочу, она мне не велела, пускай сама умирает».

Я шёл за кустом перекасти-поле до самой тьмы. Во тьме я лёг и уснул от слабости, трогая куст рукой, чтоб он остался со мной. Наутро я проснулся и сразу испугался, что нет со мной куста: он укатился один ночью. Я уже хотел заплакать, но увидел, что куст шевелится на верху ближнего песчаного холма, и я догнал его... И тогда куст довёл меня до овечьего пастуха...

Сцена 3.

Снова Москва. День отъезда. Чагатаев и Вера.

В день отъезда она спросила меня: «Отчего у тебя слёзы на глазах?» «Я вспомнил свою мать, как она улыбалась мне, когда я был маленьким...» «Но как же?» (*Без слов спросила Вера*). Не помню... Она мне радовалась и оплакивала меня. Теперь люди так не улыбаются. У ней слёзы лились по счастливому лицу. «Пойдём со мной, -- сказала Вера. – Я познакомлю тебя с моей дочерью». (*Вера исчезает и вместо неё появляется девочка Ксения*.) Она сказала, что её зовут Ксения. Она не походила на мать – у неё было правильное лицо юноши, немного грустное от стыда и непривычки жить и бледное от усталости роста. «Вы где живёте?» -- спросил я. «Да у матери моего папы», -- показала Ксения. «А где папа, он умер?» Ксения засмеялась: «Нет, что вы! Мой папа молодой, он живёт на дальнем востоке и строит мосты. Два уже построил!» «Большие мосты?» -- спросил я. «Большие, - - показала она. – один висячий, другой с двумя опорными быками и потерянными кессонами. Они скрылись навсегда, они потерялись! – радовалась она. – У меня фотографии из газеты есть...» «Папа вас любит?» «Нет, он любит незнакомых, он нас с мамой любить не хочет».

Я взял руку Ксении к себе и стал держать её, не разлучаясь. «Я не поеду сегодня», - - сказал я ей, борясь с нетерпением своей души перед этой девочкой. Мне было стыдно перед Верой и Ксенией, что это могут принять за жестокую мужскую любовь. Я же чувствовал перед Ксенией лишь привязанность... Я хотел быть для неё берегущей силой, отцом и вечной памятью в её душе...

Я вышел и купил в Мосторге вещей на триста рублей и принёс их в подарок Ксении. Вере это не понравилось: «У Ксении всего два платья и последняя обувь развалилась, -- сказала она. – Зачем ты накупил этих пустяков, на что девочке дорогие духи, замшевая сумка, какое-то пёстрое покрывало...» (*Женщина как бы раздирается между Верой и Ксенией, являясь то одной, то другой*). «Ну, мама, пускай, ничего! – говорила Ксения. – Платье мне бесплатно в детском театре дадут, я там активистка, а в отряде скоро горные башмаки начнут распределять, мне обуви не надо. Пусть будут сумка и покрывало...» Она подошла ко мне и, протянув руку, сказала: «Я вам тоже скоро буду

давать подарки. Скоро наступит богатство!» (*Чагатаев целует её, Ксения уходит. И возвращается Верой.*)

Сцена 4.

Вера. Назар, ты больше не любишь меня? (*Пауза*).

Назар. Она сказала: «Пойдём разведёмся пока ты не уехал... Ты видел, Ксения моя дочь. А мне ведь тридцать четыре года». (*Пауза. Вера.*). Почему я тебя не люблю? А ты любила других мужей?

Вера. Я любила. (*Пауза*).

Назар. «Второй умер, -- сказала она. -- и по нём теперь плачу одна. А первый оставил меня с девочкой сам, я его тоже любила и была верна»...

Вера. И мне пришлось долго жить без человека, ходить по весёлым вечерам бумажные цветы самой класть себе на голову...

Назар. Но почему я тебя не люблю?

Вера. Ты любишь Ксению, я знаю... (*Пауза. На миг в её образе проявляется Ксения*).

Назар. Она сказала: «Ей будет восемнадцать лет, а тебе тридцать. Вы поженитесь, а я вас посватаю»... Я не умел понять её. Мне было странно не её горе, а то, что она верила в своё обречённое одиночество, хотя я и женился на ней и разделил её участь. Она берегла своё горе и не спешила его растратить... (*Вера*). Поэтому ты со мной и не жила? «Да, -- ответила она. -- Ты ведь не знал, что у меня есть такая дочь, ты думал -- я моложе и чище». «Мне это безразлично», -- сказал я.

Вера. Нет, скажи: ты сейчас влюбился в Ксению? (*Пауза*).

Назар. Влюбился. Я не вытерпел... (*Вера заплакала, Чагатаев обнял её и прижал к груди. Пауза. Вера медленно успокаивается*).

Вера. Ксения тебя тоже полюбит...

Назар. «Я воспитаю её, -- шептала она. -- я сделаю, чтобы она полюбила тебя». (*Пауза. Он гладит её живот*). Ничего, рожай его скорее, он будет рад.

Вера. А может, нет... Может, он будет вечный страдалец.

Назар. Нет, мы больше не допустим несчастья! «Кто такие вы?» -- странно спросила она. (*Пауза*). Мы... (*Всё меняются, Вера исчезает, как и Москва, город, всё ясное и привычное*)...

Сцена 5.

Назар. Через семь дней я был уже в Ташкенте. (*Женщина превращается в секретаря партии*). Там мне сказали, что где-то в районе Сары-Камыша, Усть-Урта и дельты Амударьи блуждает и бедствует небольшой кочевой народ из разных национальностей. Бедность и отчаяние этого народа были настолько велики, что он о земной работе думал как о благе, потому что ему давали в эти дни есть хлебные лепёшки и даже рис. Осла надо кормить круглый год, а рабочий народ из Сары-Камыша ел лишь немного времени, а потом уходил вон. И целиком не умирал, притомившись где-то на дне пустыни. (*Секретарь предлагает ему сесть, открывает дело*). Я знаю этот народ, я там родился. «Поэтому тебя и посылают туда», -- объяснила мне секретарь.

Секретарь. Как назывался этот народ, ты не помнишь?

Назар. Он не назывался. Но сам себе он дал маленькое имя.

Секретарь. Какое?

Назар. Джан. (*Пауза*). И это означает, душу или милую жизнь.

Секретарь. Душу или милую жизнь?

Назар. Душу или милую жизнь... «Значит, всё его имущество -- одно сердце в груди?» -- спросила секретарь.

Секретарь. И то, когда оно бьётся...

Назар. Одно сердце...Одна только жизнь: за краем тела ничего ему не принадлежит.

Секретарь. Мать тебе говорила, что такое джан?

Назар. Говорила. Беглецы и сироты отовсюду и старые, изнемогшие рабы, которых прогнали. Потом женщины, изменившие своим мужьям и попавшие туда от страха. Приходили навсегда девушки, полюбившие тех, кто вдруг умер... И ещё там жили люди, не знающие бога, насмешники над миром, преступники... Но я не помню всех – я был маленький. «Езжай туда теперь, найди этот потерянный народ», -- велела мне секретарь.

Секретарь. Сары-Камышская впадина пуста.

Назар. Я поеду. Что мне там делать? Социализм?

Секретарь. Чего же больше?

Назар. Она сказала: «Туда послали кого-то из района, но едва ли он что сделает там».

Секретарь. Кажется, не наш человек... (Секретарь исчезает).

Назар. На ташкентской почте я получил письмо от Веры. (Появляется Вера). Она писала, что ребёнок её приближается на свет, он уже думает что-то внутри её тела, потому что часть шевелится и бывает недоволен.

Вера. Но я ласкаю его, я глажу свой живот и, согнувшись лицом ближе к нему, говорю: «Чего ты хочешь? Тебе там тепло и тихо, зачем ты хочешь уйти от меня?» Я привыкла к нему, всё время живу с ним как с другом, как хотела жить с тобой, и рождения его я боюсь – не потому, что мне будет больно, а потому, что это будет начало разлуки с ним навек, и его ножки, которыми он сейчас стучит, спешат уйти от матери, и они будут уходить всё дальше и дальше – по мере его жизни, пока мой сын не скроется совсем от меня, от моих заплаканных глаз. Ксения тебя помнит. Не умер ли ты уже где-то?»

Я послал им открытку...

Сцена 6.

Назар путешествует.

Назар. Через четырнадцать суток я сошёл на берег Хивинского оазиса. И, побыв несколько дней в Хиве, пошёл на родину, в Сары-Камыш, дорогой детства. Дойдя до сухой реки Кунядарьи, я увидел верблюда, (*женщина превращается в умирающего верблюда*), который сидел, подобно человеку, опершись передними ногами, в песчаном насосе. Верблюд был худ, горбы его опали, и он робко глядел чёрными глазами, как умный грустный человек. (*Верблюд пытается поест, но у него не хватает сил. Сделав несколько безуспешных попыток, он затихает, печально глядя на Чагатаева*). Я осмотрел его: животное давно стало худым от голодной нужды и болезни, шерсть его выпала почти вся, остались лишь некоторые клочья, поэтому верблюд дрожал от непривычки и озноба. (*Пытается покормить его с рук*). Я принёс несколько охапок перекасти поле и дал верблюду их съесть. Напоить я его не мог, у меня самого было только две фляги воды, но я знал, что дальше по руслу Кунядарьи есть пресные озёра и мелкие колодцы...

Наступил вечер. Я кормил верблюда, доставая ему траву из ближних окрестностей, пока тот не положил своей головы на землю. Он уснул... Благодаря ночи, стало холодать. Я прижался к туловищу верблюда, чтобы согреться, и задремал... (*Они спят рядом, верблюд и человек, счастливые, что нашли друг друга. Затем он просыпается, и они вместе продолжают странствие*).

Через шесть дней пути по Кунядарье я увидел Сары-Камыш. Сюда меня мать когда-то вывела за руку и отправила жить одного, а теперь я вернулся! Я пошёл с верблюдом дальше, в середину родины...Я направлялся вглубь безлюдной впадины, по дну древнего моря. Лишь однажды сердце моё заболело: я заплакал по Ксене... Я видел её сейчас близкой в воспоминании: она улыбалась мне жалкой улыбкой маленькой женщины, которая может любить только в душе, но обниматься не хочет и боится поцелуев, как увечья... (*Верблюд отвлекает его от воспоминаний и зовёт идти дальше*).

Мы пошли к Усть-Урту, где в самом подножии возвышенности жил один старик. Он ночевал в землянке и питался мелкими животными и кореньями растений, находившимися в расщелинах плоскогорья. Древняя старость и убожество сделали его мало похожим на человека. Он прожил давно человеческий век и все чувства его удовлетворились. Его звали Суфьян. (*Появляется кукловод, у него в руках кукла Суфьяна*).

Суфьян. Я тебя знаю, ты был мальчик Назар.

Назар. А я тебя не знаю.

Суфьян. Ты живёшь, как ешь: что в тебя входит, то потом выходит. А во мне всё задерживается.

Назар. Я сказал старику, что пришёл издалека, ради своей матери и своего народа, но есть ли он на свете или уже давно кончился? (Пауза). Старик молчал...

Суфьян. Ты встретил где-нибудь своего отца?

Назар. Нет. А ты знаешь Ленина?

Суфьян. Не знаю. Я слышал один раз это слово от прохожего, он говорил, что оно хорошо. Но я думаю – нет. Если хорошо – пусть оно явится в Сары-Камыш, здесь был ад всего мира, и я здесь живу хуже всякого человека...

Назар. Я вот пришёл к тебе.

Суфьян. Ты скоро уйдёшь...

Сцена 7.

Назар. На следующий день мы вышли с места, чтобы найти пропавших людей. Верблюд тоже пошёл за нами... Он двигался в отдалении, где была ему попутная пища из травы. Через четыре дня мы настолько захотели есть, что стали видеть сновидения... Миновала ещё одна ночь, а проснувшись наутро, я увидел мёртвого верблюда: он лежал вблизи с окаменевшими глазами, на его шее замёрзла кровь разреза, и Суфьян рылся в его внутренностях, как в мешке с добром, выбирая оттуда сырые части с чистой кровью и насыщаясь ими. Я тоже подполз к верблюду; из открытого тела его пахло теплом и сыростью, кровь ещё капала и текла по скважинам его туловища... Наевшись, мы в блаженстве уснули опять... А когда проснулись, пошли дальше – в разливы, в устье Амударьи.

Сцена 8.

Назар. После двух суток блужданий мы увидели травяной шалаш, в нём жил слепец Молла Черкезов, его берегла и кормила его дочь Айдым, девочка лет десяти. (*Женщина превращается в девочку Айдым, которая кормит куклу Моллы Черкезова*). Молла узнал Суфьяна по голосу, но говорить им было не о чем. Наконец пришло время прощаться...

Назар. Есть у вас новости?

Черкезов. Нет, жизнь идёт одинаково. Жена моя, милая Гюн, утонула в воде и умерла.

Назар. Отчего умерла твоя достойная Гюн?

Черкезов. Не стала жить. Возьми у меня девочку Айдым и приведи мне молодую ослицу, буду с ней жить по ночам, чтоб не было мыслей и бессонницы.

Назар. Ослицы у меня нету. Ты обменяй дочь на старуху. Живи со старухой: тебе всё равно.

Черкезов. Всё равно, но старухи скоро помирают. Их не хватает человеку.

Назар. Ты слыхал, я приехал из Москвы; я хочу помочь прожить вашу жизнь хорошо.

Черкезов. Четыре человека приезжали раньше тебя, Назар. Их искусили комары, и они уехали. Я слепой человек, моё дело – тьма, мне хорошо не будет.

Назар. Тебе хорошо даже от ослицы или старухи. Твоё счастье похоже на горе.

Черкезов. С женой время идёт незаметно...

Назар. Отпусти со мной твою дочь!

Черкезов. Она ещё не выросла, что ты будешь с ней делать?

Назар. Отпусти, я приведу тебе старую, другую.

Черкезов. Хорошо. Приводи скорее.

Назар. *(Берёт девочку за руку).* Пойдём со мною. Суфьян, тебе одинаково идти со мной или нет?

Суфьян. Одинаково.

Назар. Тогда оставайся пока я не вернусь снова. *(Куклы исчезают, Назар и Айдым идут дальше...)*

Сцена 9.

Назар. Большая чёрная ночь заполнила небо и землю от подножия травы, до конца мира... *(Они ложатся спать. Пока он спит Айдым превращается в старую и сгорбленную его мать Гюльчитай. Она оцупывает и осматривает Назара. Потом она ложится рядом с ним, затем начинает ласкать его, ластится).* Не надо: ведь ты моя мать. *(Он смотрит на неё, затем обнимает).* Ты где живёшь?

Гюльчитай. *(Показала).* Там...

Назар. Там живёт весь наш народ или ещё есть?

Гюльчитай. Я уже забыла, Назар, я не знаю. Были ещё люди, десять людей, они живут по камышам до самого моря – раньше жили, теперь им пора умереть, должно быть, умерли, и к нам никто не приходит... *(Появляются куклы Джан, они все несчастны, ничтожны и бессмысленны. Они занимаются своими делами и им ни до кого нет дела, Назар прислушался и услышал лишь обрывки голосов или голоса народа Джан...)*

Джан. Подбирай шерсть на земле, клади мне за пазуху... Дурды! Дурды! Не убегай от меня, я уморилась, я не догоню тебя... Остановись, не мучай меня, мой ножик острый, я зарежу тебя сразу – ты поддайся... Я хочу ребёнка, может, он сейчас зачнётся... *(Женский ему в ответ).* Нет, в нас с тобой слабость одна, мы десять дет его зачинаем, а он не начинается во мне, и я всегда пустая, как мёртвая... Ну, давай чего-нибудь делать вдвоём, нам нечему радоваться с тобой. Что же, мне одеться не во что, тебе тоже; как зимой будем жить! Когда будем спать, то согреемся, -- от бедности чего же больше делать: одна ты осталась, поневоле глядишь и любишь... Я всё думала-передумала и вижу, что люблю тебя. Я тоже тебя, иначе не проживёшь. Дешевле жены ничего нету. Добра у нас нет, спасибо хоть жена рождается и вырастает сама, нарочно её не сделаешь: у тебя есть груди, живот, губы, глаза тои глядят, я думаю о тебе, а ты обо мне и время идёт. Мы с тобой плохое добро: ты худой, слабосильный, а у меня груди засыхают, кости внутри болят... Я буду любить твои остатки.

Назар. *(Гюльчитай).* Ты знаешь Моллу Черкезова?

Гюльчитай. Я всех знаю.

Назар. Ступай, живи у него, тебе там лучше будет. Он слепой и будет беречь тебя, пока не умрёт. *(Гюльчитай без сожаления или ропота уходит. Появляется Айдым, которая начинает хлопотать по хозяйству, находить и готовить пищу, заботиться о доме и Назаре.).* Но вскоре мне пришлось хозяйствовать одному... *(Девочка заболевает, у неё начинается горячка, она бредит почти без сознания).* Айдым заболела и стала горячая, жаркая, мокрая от пота. Я укрывал её травой от озноба, протирал ей запёкшиеся глаза и поил её жидким супом из трав, но девочка не справлялась с болезнью...

По другим шалашам тоже лежали больные люди. Я сосчитал: всего в народе Джан было сорок семь человек, из них человек двадцать болело. Женщин среди народа находилось одиннадцать человек, а детей до двенадцати дет – три человека, считая сюда и Айдым. Женщины, как самые большие труженицы, умирали прежде всех, а оставшиеся в живых рожали детей очень редко.

Во время болезни Айдым пришёл уполномоченный райисполкома Нур-Мухаммед. *(Появляется кукла Нур-Мухаммеда).* «Что ты сделал за полгода?» -- спросил я его.

Нур-Мухаммед. Ничего. Я не могу воскрешать мёртвых.

Назар. Чего же ты ждёшь тогда? Зачем ты тут?

Нур-Мухаммед. Когда я пришёл сюда, в народе было сто десять человек, теперь меньше. Я рою могилы умершим.

Назар. Народ сам похоронит своих близких – ты для этого не нужен.

Нур-Мухаммед. Нет, он не будет хоронить, я знаю.

Назар. Почему не будет?

Нур-Мухаммед. Мёртвых должны хоронить живые, а здесь живых нет, есть не умершие.

Назар. Что же нам делать с тобой?

Нур-Мухаммед. Ничего не надо.

Назар. Я им могилы рыть не буду. Я не знаю, кто ты: ты чужой, лучше ты уйди отсюда, оставь нас одних...

Нур-Мухаммед. Моё дело в моей голове, а твоё дело – в твоей. Скоро я понесу эту девочку в землю. До свидания... *(Нур-Мухаммед уходит)*.

Сцена 10.

Назар. Я не стал ждать и пошёл в Чигмай. Там я купил ящик с колхозной аптечкой и несколько десятков хинных порошков. На почте мне дали простое письмо из Москвы, которое было переслано сюда из Ташкента. Писала Ксения... *(Появляется Ксения)*.

Ксения. «Назар Иванович Чагатаев! Ваша жена, моя мама Вера, умерла во Второй клинической больнице, в г. Москве, от родов девочки, которая когда родилась, то была мёртвой, и я видела её тело. Девочку сложили в больнице в один гроб с мамой Верой, вашей женой, похоронили в земле на Ваганьковском кладбище, не очень далеко от писателя Батюшкова. Я два раза ходила к могиле, постояла и ушла. Когда вы приедете, то я вам покажу, где находится могила. Мама велела мне вас помнить и любить, я вас помню. С пионерским приветом Ксения». *(Ксения исчезает)*. Я пошёл обратно...

Сцена 11.

Назар идёт домой, навстречу ему Нур-Мухаммед с Айдым, а за ними тянется волоком весь народ Джан.

Назар. Куда ты ведёшь людей?

Нур-Мухаммед. Какие люди? Их душа давно рассеялась, им всё равно – живут они или нет.

Назар. А где остальные? Они спят?

Нур-Мухаммед. Нет, они отстали, но идут за нами по следу. Потом дойдут...

Назар. Куда ты их ведёшь?

Нур-Мухаммед. В Сары-Камыш на родину, где они раньше жили.

Назар. Зачем?

Нур-Мухаммед. Пусть движутся куда-нибудь... Я их веду дальней дорогой, кругом разливов. Кто ходит, тому всегда легче...

Назар. А больные?

Нур-Мухаммед. Они тоже идут понемногу. От дороги они выздоровеют – мы оставили болота, и лихорадки не будет.

Назар. Я не поверил его добрым намерениям... Народ двигался теперь только вечером или утром. Нур-Мухаммед ежедневно отмечал умерших, а я проверял их смерть, прислушиваясь к сердцу и наблюдая глаза, потому что однажды Суфьян и ещё другой старик, ферганский раб Ораз, притворились мёртвыми. «Зачем вы хотели умереть?» -- спросил я их. «У нас душа занемела от жизни», -- сказали они и ещё. -- «Нам не живётся, мы каждый день пробовали». «Ничего, мы вместе научимся», -- пообещал я, они не стали

спорить: «Немного потерпим. А потом нечаянно все погрём». Только Старый Ванька поддержал меня. *(Кукловод достаёт куклу Старого Ваньки).*

Старый Ванька. Чего ты! Только заматерел, а уж помираешь! Терпи: поживём, побьёмся, да и мёду в кадушках дождёмся – с толстым ломтем подойдём да макнём... *(Начинает петь и танцевать вприсядку).*

Сцена 12.

(Начинается пустынная буря. Народ с трудом идёт сквозь неё, в конце концов Назар обнаруживает, что идёт один. Он ложится и засыпает).

Назар. *(Проснувшись).* Я проспал весь день... Я пошёл на общее становище – народа там не было. Люди давно проснулись и ушли дальше. В следующие четыре дня я старался идти вперёд по пустыне, но от слабости ушёл недалеко. На пятый день я остался на месте, решив набраться сил в дремоте, а потом догнать свой народ. Я представляю себе, с каким тайным удовольствием Нур-Мухаммед поставил отметку в своей книжке о его смерти. Странно, почему люди держат расчёт на горе, на гибель, когда счастье столь же неизбежно и часто доступней отчаяния...*(Он теряет сознание, и странные видения его жизни проносятся перед его глазами, доводя его до боли. Он отгоняет их...).* Я хотел избавиться от сна и от всего мира, застрявшего в моей голове, как колючий кустарник, но мир остался... *(Он снова засыпает. Женщина превращается в большую, хищную птицу, которая начинает кружить над ним, он просыпается, но притворяется мёртвым, птица осторожно подбирается всё ближе. Наконец птица взвилась и начала падать на него. Назар выстрелил, птица на мгновение задержалась, затем рухнула прямо на него, грудью к груди, лицом к лицу. Пауза. Чагатаев осматривает мёртвую птицу, затем подбирается к ней и начинает с жадностью пить её кровь... Он исчезает).*

Сцена 13.

Появляется Кукловод. Он -- Нур-Мухаммед, который ведёт за собой Айдым.

Айдым. В то утро, когда Чагатаев исчез, Нур-Мухаммед улыбнулся. Он сделал отметку в своей книжке.

Нур-Мухаммед. Я думаю, что он убежал спасаться один, как всякий живой и малодушный. Без него нам лучше будет...

Айдым. Он хотел воспитать и откормить меня, а потом воспользоваться как женой. И затем продать другому.

Нур-Мухаммед. Женщины ценятся дороже мужчин, они служат одновременно и для работы и для утешения, но мужчин тоже можно продать хорошо...

Айдым. Мы пошли на Юго-Восток... Нур-Мухаммед прижал меня к себе, чтобы ощутить зачатки моей женской груди, но почувствовал лишь мои тонкие рёбра.

Нур-Мухаммед. Я продам этот ничтожный народ в рабство старым ханам. И тогда буду жить счастливо остальную жизнь в собственной, обильной домашним добром курганче, где-нибудь в афганской долине... Тогда не надо будет быть членом профсоюза и кооперации, не надо сдерживать в молчании скрепляющееся яростью сердце.

Айдым. Ничего не получится. Они не дойдут до Афганистана, а дойдя туда, не сумеют быть даже последними батраками...

Нур-Мухаммед. Пусть идут куда хотят... Мы пойдём с тобой в Афганистан, там я тебя продам, чтобы хоть как-то оправдать свои убытки от работы в Советском союзе...

Голос Назара. *(Описывая то, что происходит между Айдым и куклой Нур-Мухаммеда).* Нур-Мухаммед прижал к себе её с такой силой, что Айдым открыла глаза. Он пошёл ласкать её в уютное песчаное ущелье, соскучившись без счастья и чужого тела. Он мог бы

обнимать женщину и зачинать детей, находясь в болезни, в безумии, за минуту до окончательной смерти. Нур-Мухаммед положил девочку и лёг рядом с ней. Айдым спала в забытии. Он снял с неё ветхие тряпки одежды и увидел голое детское существо. Он обнял девочку. Айдым проснулась от боли.

Айдым. Я видела много раз, как взрослые люди спят и любят, я только повторяла действия старых людей...

Нур-Мухаммед. Она смотрела на меня любопытными глазами, полными слёз от боли и терпения. *(Он заканчивает).*

Айдым. Уходи! Лучше я буду одна...

Нур-Мухаммед. Нет, я отпущу тебя. Теперь ты моя...

Айдым. Я не хочу быть твоя. Где Назар?

Нур-Мухаммед. Умер твой Назар.

Айдым. Нет, не умер... Я пойду поищу его. *(Она идёт на поиски и вскоре находит Чагатаева).*

Сцена 14.

Назар. Айдым!

Айдым. Я нашла тебя, только ты не вставай. Ты лежи нарочно, как мёртвый. К тебе прилетят птицы, прибегут шакалы, ты их убивай, а мы будем кормиться...

Назар. А где другие люди?

Айдым. Там идут где-то... Я не с ними.

Назар. Принеси мне воды, промой мне раны.

Айдым. Ты раненый? *(Она смотрит его раны).* Это птица тебя клюнула? Ничего... Слюна заживляет тело. *(Она лизала рану).* Ничего, ты не умрёшь, раны ведь маленькие. *(Появляется Нур-Мухаммед).* Видишь, он живой...

Нур-Мухаммед. Айдым, пойдём, мы уходим с тобой в Афганистан навсегда.

Назар. Не ходи никуда, Айдым. У нас скоро своё будет счастье.

Айдым. Я знаю. А он мне велит...

Нур-Мухаммед. Что, Назар, говорил я тебе иди обратно? Их не спасти. Джан мёртвый. А теперь и ты скоро будешь такой. Я думал, тебя давно птицы заклевали.

Назар. Зачем девочку уводишь с собой?

Нур-Мухаммед. Стало быть, нужно.

Назар. Пусть останется с нами!

Айдым. Я останусь. Я маленькая, я уморюсь идти. Мне не надо!

Назар. Уходи один!

Нур-Мухаммед. Мёртвым пора молчать! Повернись в землю и спи! *(Он бьёт ногой Чагатаева, затем схватил Айдым и потянул её за собой).*

Назар. Вы куда?! Нет!

Айдым. Возьми меня, Назар Чагатаев! Я не хочу в Афганистан, там буржуи живут!

Назар. Стой! *(Он достал револьвер. Нур-Мухаммед пытается бежать, но Айдым больно царапает его).*

Айдым. Видишь, как больно тебе! Тебе ведь говорили: не воруй меня, не надо! А ты украл, ты басмач! Терпи, теперь терпи! *(Нур-Мухаммед бросает её, Чагатаев стреляет, но попадает ему в ногу. Нур-Мухаммед, хромя, убегает).* Интересно, скоро он умрёт или нет?

Назар. Приведи других людей.

Айдым. А ты ложись опять в песок, пока птицы не прилетели, а то нам есть нечего! *(Он ложиться, а Айдым убегает).*

Сцена 15.

Голос Назара. Мне стало казаться, что я всё время куда-то еду, удаляюсь. Я начал забывать подробности города Москвы: лицо Ксении моя память сберегла лишь в общих, неживых чертах. Я жалел об этом... Представляя её образ я всегда замечал, что её губы что-то шепчут мне, но я не понимал и не слышал её голоса за дальностью расстояния. Но это лишь обольщающее чувство! В действительности Ксения, наверно, вовсе забыла меня, она ведь ещё ребёнок... (*Появляется народ Джан*). Мне показалось, что и всё человечество, если бы оно было сейчас передо мной, так же глядело бы на меня, готовое обмануться в надеждах, перенести обман и вновь заняться разнообразной, неизбежной жизнью. Я знал, что их горе и страдание есть лишь призрак и сновидение, их может разрушить сразу даже Айдым своими детскими силами. Вскоре я перемену судьбу своего народа... (*Люди Джан пытаются добыть воду. Они роют барханы, чтобы добраться до влажной глины*).

Сцена 16.

Назар заснул. Всё изменилось. Снова сад в Москве и он танцует с повзрослевшей Ксенией.

Назар. Ты ещё помнишь меня?

Ксения. Да, дядя Назар.

Назар. А маму?

Ксения. Мне с вами очень хорошо, дядя Назар.

Голос Назара. Я танцевал в саду, освещённом электричеством, с большой, выросшей Ксенией, в летнюю ночь, пахнущую землёй, детством, накануне рассвета, который уже горел на верхушках тополей, как дальний, ещё неслышимый голос. Ксения томилась в моих осторожных объятиях, её глаза были закрыты, точно она спала. Я нёс спящую Ксению на руках. Но вдруг я увидел тьму на месте света... (*Неожиданно Ксения начинает вырываться, бить его в грудь, беситься... И вдруг она начала превращаться в чёрную птицу, которая терзает лежащего Чагатаева. Он просыпается. Он с трудом нашёл револьвер и выстрелил в птицу. Птица упала прямо на него, и снова стала женщиной. Затемнение...*).

Сцена 17.

Айдым одна. Вдруг она замечает маленького, беленького ягнёнка, которого ведёт Кукловод.

Айдым. Вот ты где... Иди ко мне. (*Айдым приманивает ягнёнка, обхватывает его руками и притягивает к себе*). Я тебя сейчас повалю, прокушу твоё слабое горло, чтобы попить крови и наестся... Не бойся... (*Вдруг до неё доносится бляние овец. Она погнала овец, чтобы накормить народ Джан*).

Сцена 18.

Голос Назара. Я долго не просыпался, когда Айдым будила меня. Я медленно умирал, потому что кровь не переставая медленно сочила из меня во сне.

Голос Айдым. Я поняла всё.

Голос Назара. Она сбегала обратно к народу на ночлег, но все люди уже тронулись оттуда к стаду, кто как мог: кто полз, кто шевелился на ногах, кто пользовался помощью другого. Айдым искала глазами, у кого была более целая или мягкая одежда, но не нашла чего ей хотелось. Айдым сняла с себя рубашку и осмотрела её...

Айдым. (*Обнажённая*). Ничего, я ещё маленькая, во мне не накопилось заразы и болезней, как у стариков. Рубашка пахнет одним только потом, телом, а грязи нет –

пустыня ведь вся читая... *(Она оборачивает раны Чагатаева своей рубашкой)*. Теперь ты будешь живой.

Сцена 19.

Голос Назара. Четыре дня народ джан ел и оправлялся от своего горя и бедствий. Айдым следила за тем, чтобы никто лишнего не переедал, а особо усердных на пищу останавливала или била по глазу.

Айдым. Иначе будет не больно...

Назар. Я отдал Айдым своё нижнее бельё, и она сшила себе юбку и кофту, а то была голая.

Голос Назара. Айдым следила за общим порядком жизни народа, за распределением пищи, за сном и за оставшимся овцами, -- чтобы их пасли и поили и чтобы они не худели, не проживали своего тела зря. На ночь каждую овцу Айдым привязывала к человеку, а барана укладывала рядом с собой и прочной бечёвкой туго обвязывала ему шею, а другим концом бечевки обматывалась сама вокруг живота и делала мёртвый узел. Утром народ тронулся далее, на свою сторону... *(Народ начинает своё движение на Родину. Меняется обстановка)*. Вечером третьего дня народ перешёл последние светлые пески – границу пустыни – и начал спускаться в тень впадины у подножья Усть-Урта.

Суфьян. Рядом с моей пещерой есть долина, там и надо жить.

Голос Айдым. Долина, указанная Суфьяном, была хороша для жизни. Она имела травяной покров на долгом протяжении, и ещё теперь – в конце лета – не вся трава умерла. По-прежнему всё в жизни стало возможным и самая лучшая участь осуществима немедленно. По-дороге, Чагатаев поднял меня на руки, чтобы я не утомилась, и целовал меня в щёки, в глаза, в волосы – от этого уму становилось лучше на сердце.

Голос Назара. Моё здоровье и сознание улучшалось лишь оттого, что я имел возможность держать кого-нибудь за руку, как в своё время Веру и ещё ранее её -- другую женщину, студентку экономического института, любившую меня, но умершую от болезни в юности.

Айдым. Я тоже обнимала его за голову и заглаживала пальцами две плешины в волосах – следы от орлиных ран. Я помню, съела тогда сразу целого маленького орлёнка.

Сцена 20.

Народ Джан начинает обживать на новом месте.

Голос Назара. Мы с Айдым стали носить глину для постройки первой курганчи, но нам никто не помогал в работе.

Айдым. Когда Чагатаев привёл работать Суфьяна и Старого Ваньку, как наиболее здоровых, то они отнесли два раза глину, а потом перестали. Они сели на землю и задумались, хоть по старости лет имели время уже всё передумать и прийти к истине.

Назар. Тогда я собрал всех людей и спросил их. Имеете ли вы намерение жить? Никто мне ничего не ответил... Я почувствовал боль своей печали, что моему народу не нужен коммунизм, -- ему нужно забвение, пока ветер не остудит и не расточит постепенно его тело в пространстве.

Голос Айдым. Чагатаев отвернулся ото всех; его надежды оказались бессмысленными.

Назар. Нужно взять Айдым на руки и уйти отсюда навсегда...

Голос Айдым. Он ушёл в сторону и лёг там в землю лицом. Он понимал, что, куда бы он не ушёл отсюда, он снова вернётся обратно.

Назар. Мой народ – наибольший бедняк на свете; он растратил своё тело на хошарах и в нужде пустыни, он отлучён от цели жизни и лишился сознания и своего интереса, потому что его желание никогда не осуществлялось. Народ жил благодаря механическому

действию своей скудной, ежедневной пищи. Осталась ли в народе хоть небольшая душа? Или там давно всё отмучилось и даже воображение – ум бедняков – всё умерло? Я знал по своей детской памяти и по московскому образованию, что всякая эксплуатация человека начинается с искажения, с приспособления его души к смерти, в целях господства, иначе раб не будет рабом. И насильное уродство души продолжается, усиливается всё более, пока разум в рабе не превращается в безумие...

Затемнение.

Сцена 21.

Назар спит. Его будит Суфьян.

Назар. Что вы хотите мне сказать?

Суфьян. Народ теперь нарочно не имеет души, Назар Чагатаев.

Назар. Как так?

Суфьян. Народ не знает своего намерения, не льститься на лучшую пищу. Он греется самым слабым теплом своего сердца, а сердце получает это тепло из травы, из черепах, из рыбы, из костей самого человека, когда ему нечего есть.

Назар. Но долго ли можно так прожить?

Суфьян. Ты думаешь плохо... Народ жить может, но ему нельзя. Когда он захочет есть плов, пить вино, иметь халат и кибитку, к нему придут чужие люди и скажут: возьми, что ты хочешь, -- вино, рис, верблюда, счастье твоей жизни...

Назар. Никто не даст.

Суфьян. Немного давали: горсть риса, чурек, старый халат, вечернюю песню бахши мы имели давно, когда работали на байских хошарах...

Назар. Мать велела мне самому кормиться, когда я был маленький. Мы мало имели, мы умирали.

Суфьян. Мало. Но мы всегда хотели много: и овец, и жену, и воду из арыка – в душе всегда есть пустое место, куда человек хочет спрятать своё счастье. И за малое, за бедную, редкую пищу, мы работали, пока в нас не засыхали кости.

Назар. Это вам давали чужую душу.

Суфьян. Другой мы не знали. Я тебе говорю, если за маленькую еду мы делались от работы и голода как мёртвые, то разве хватит даже нашей смерти, чтобы заработать себе счастье?

Назар. Хватит одной жизни! Теперь наша душа в мире, другой нет.

Суфьян. Я слышал, богатые умерли все. Но ты слушай меня: твой народ боится жить, он отвык и не верит. Он притворяется мертвым, иначе счастливые и сильные придут его мучить опять. Он оставил себе самое малое, не нужное никому, чтобы никто не стал алчным, когда увидит его.

Назар. Существойте как умеете, мы с Айдым будем жить отдельно.

Сцена 22.

Люди постепенно обживаются на новом месте. Строят дома. Обустраивают быт.

Голос Назара. Весь народ джан теперь жил, не чувствуя ежедневно своей смерти., и трудился над добычей пищи в пустыне, в озере и на горах Усть-Урта, как обычно живёт в мире большинство человечества. Айдым хорошо вела хозяйство. Кто забывал свою обязанность жить и кормиться, тем Айдым говорила при всех...

Айдым. Вот я подрасту немного и нарожаю совсем других людей, не таких, как эти, ничтожные, которых приходится кормить мне, малолетней. Ведь ваши матери кровью

заливались, а вы родились и живёте, как из одолжения. Вот я вырою завтра с Назаром большую яму – пусть туда ложатся все, кому не нравится на свете! Нам несчастных не нужно! Глаз вырву и на стенку повешу его, будешь тогда смотреть на свой глаз, косой человек!

Назар. Надо помочь им, чтобы счастье, таящееся от рождения внутри несчастного человека, выросло наружу. Я пойду в Хиву, один, на пищевые базы и привезу оттуда продовольственную суду для народа на всю зиму.

Айдым. Он исчез в туманном воздухе пустых мест. Я думала, что больше Назар никогда не вернётся... *(Она заплакала, но быстро успокоилась и занялась домашними делами).*

Голос Назара. В следующие дни Айдым ни разу не управилась заплакать обо мне – её заняли работы по хозяйству. Однажды, она возвращалась домой из дальних лощин, неизвестный свет ослепил её.

Айдым. Я думала огни – это либо звери, либо умное такое – оттуда, где живут большевики. Я увидела Назара, он прошёл мимо огня...

Голос Назара. Я встретил их на второй день своего пути, на выходе из Сары-Камыша в пустыне. По распоряжению из Ташкента два грузовых автомобиля вышли из Хивы ещё четыре дня назад. Там были мясные консервы, рис, галеты, мука, лекарства, керосин, одежда, книги и прочее добро... Теперь народ сыто перезимует.

Назар. Пойдём гулять.

Айдым. Хорошо, пойдём. *(Айдым смеялась и бегала по снегу, и неожиданно кидалась сзади Чагатаеву на шею).*

Назар. Вот схвачу тебя, и брошу в пропость!

Айдым. Бросай, я не умру! *(Он кружит её).*

Назар. Устала?

Айдым. Я сильная, хоть и малолетняя.

Назар. Я знаю, Айдым.

Айдым. Пора возвращаться. Назар, они когда проснутся?

Назар. Скоро, скоро... Может, просыпаются уже. *(К ним навстречу выходит Суфьян).*

Суфьян. Назар, иди скорей. Гюльчатая, твоя мать умерла. *(Пауза).*

Сцена 23.

Назар взял на руки куклу своей матери, положил на землю. Люди Джан ходили вокруг, собирались в дорогу, чтобы уйти навсегда. Назар лежал и не смотрел на них... Вот уже они остались одни: Назар, Айдым и мёртвая Гюльчатая.

Айдым. Назар, хочешь, я поплачу по ней?

Назар. Не надо. Ступай напой овец. С тобой прощался кто-нибудь?

Айдым. Нет, я спала. Старый Ванька мне сказал, когда я уходила...

Назар. Что он сказал?

Айдым. Прощай, девка, сказал, теперь ноги ходят помаленьку и живот дышит, пора жить наступила. Больше ничего не сказал.

Назар. А ты что?

Айдым. А я ничего... Я ему: у ишаков тоже ноги ходят.

Назар. Почему – у ишаков?

Айдым. На всякий случай сказала!

Айдым начинает заниматься по дому. Чагатаев хоронит мать.

Сцена 24.

Голос Назара. Мы решили зимовать в наших глиняных домах.

Голос Айдым. Назар, лишённый сразу всех людей, о которых он заботился, ходил теперь один по пустым склонам Усть-Урта. Я стряпала обед, чинила одежду, убирала овец или делала что-нибудь другое по хозяйству – на двоих оказалось лишь немного меньше работы чем на весь народ Джан. Время от времени глядеть наружу, чтобы Назар далеко не уходил, потому что ему, наврное, скучно жить со мной одной. Назар стал приживаться к обстоятельствам: ко мне, к овцам, к опустевшим домам, к мелким животным, проживающим повсюду в природе, и к обмершему кустарнику. Назар находил в укромных, тёплых пещерках оврагов спящих черепах и приносил их домой. Некоторые из них отогревались от зимы и оживали... Другие оставались жить спящими, собирая силы для долгого, будущего лета...

Назар. И здесь, в бедной природе Усть-Урта, на ветхом дне Сары-Камыша -- есть важное дело для целой человеческой жизни. Не может быть, чтобы все животные и растения были убогими и грустными – это их притворство, сон или временное мучительное уродство. Иначе надо допустить, что лишь в одном человеческом сердце находится истинное воодушевление... Нет, эта мысль пуста, потому что и в глазах черепахи есть задумчивость, и в терновнике есть благоухание, означающие великое внутреннее достоинство их существования...

Айдым. Назар, Назар, а отчего мы живём? Нам будет хорошо за это?

Назар. А тебе плохо сейчас со мной?

Айдым. Нет, мне хорошо теперь. Я просто так себе сказала, потому что у меня во рту говорится что-нибудь... *(Пауза)*. Назар, чего я всегда ожидаю? Отчего мне кажется такое важное, а потом ничего не бывает... Отчего у меня сердце начинает болеть?

Назар. Ты растёшь, Айдым. Пусть тебе кажется что-нибудь в голове, пусть твоё сердце начинает болеть. Ты не бойся, без этого горя жизни не бывает.

Айдым. Не бывает. А я не хочу, чтоб это было. У твоей матери сердце от голода болело, она мне сама говорила. Пускай у нас теперь другое горе будет, интересное, а не такое. Такое надоело. Ты выдумай что-нибудь... *(Пауза)*. Научи меня, чтоб я лучше не думала, а то я боюсь: мне кажется страшное!

Назар. Но ведь у тебя не от голода душа начинает болеть?

Айдым. Не от голода. У меня от чувства... Назар, отчего я чужая?

Назар. Кому ты чужая, Айдым?

Айдым. Народ жил с нами, а теперь весь раскочевался. Ты тоже скоро уйдёшь, кто тогда меня помнить будет?

Назар. Я от тебя не уйду.

Айдым. Назар, скажи мне что-нибудь главное...

Назар. Главного я не знаю, Айдым. Я не думал о нём, некогда было... Раз мы с тобой родились, то в нас тоже есть что-нибудь главное...

Айдым. Немножко только... а неглавного – много. *(Пауза. Они вместе...)*. Иди спать ложись, а то я огонь в лампе потушу...

Назар. Туши. Я потом опять его зажгу.

Айдым. Нет, лучше не надо: ты спички будешь тратить! Ты в темноте ложись... *(Она гасит огонь и ложиться спать. Назар долго думает, затем начинает одеваться)*.

Назар. Айдым...

Айдым. *(Сквозь сон)*. Спи, Назар.

Назар. Нет, я сейчас не буду. Я пойду народ соберу, я скоро вернусь.

Айдым. Приходи скорее.

Назар. Ты не скучай без меня.

Айдым. Не буду. Ступай скорее, а то они ослабеют. Они теперь набегались, наигрались, им пора домой.

Сцена 25.

Сцена превращается в хивинский базар. Торгуют и покупают. Шум, гам. Назар бродит по базару в поисках своего народа. Он увидел туркменскую девушку, в которую превратилась Айдым, долго смотрел на неё, затем подошёл.

Назар. Откуда ты и как тебя зовут?

Девушка. Ханом.

Назар. Пойдём со мной.

Девушка. Нет. *(Назар взял её за руку и повёл за собой. Он купил ей еды и чаю).*

Голос Назара. Я сел рядом с ней, она перестала чинить платье и замерла в страхе и ожидании. Она кротко и задумчиво улыбнулась мне, точно она вполне понимала меня и желала... Я обнял её обеими руками. Счастливые, мы прижались друг к другу... Старая ночь покрыла тьмою глиняную Хиву. Я с жадностью крайней необходимости любил сейчас Ханом, но сердце моё не могло утомиться и во мне не прекращалась нужда в этой женщине... *(Они занимаются любовью).*

Ханом. Остайся.

Назар. Нет, мне надо идти. Я должен найти своих людей.

Ханом. Ты вернёшься?

Назар. Не знаю. Так трудно узнать, что всех ждёт впереди. Я верю – счастье. Тебе тоже надо верить... *(Он уходит, Ханом исчезает).*

Сцена 26.

Назар находит Суфьяна.

Суфьян. Играть хочу, песню сам выдумал. Сердце у меня хорошее, а платить за дутару нечем: я не очень богатый человек, в одном теле своём живу.

Назар. Спой свою песню, Суфьян. *(Суфьян поёт про умную, сильную рыбу, плавающую в чёрной, глубокой земле).*

Суфьян. Вот такая песня. Остальные я забыл.

Назар. Где теперь племя джан?

Суфьян. Народ жить разошёлся, Назар. Раньше силы не было уйти, а ты накормил его, и он пошёл ходить.

Назар. А зачем ему ходить? Он опять силу потратит!

Суфьян. Нужно. А не нужно станет, народ опять на Усть-Урт вернётся.

Назар. А куда они все пошли?

Суфьян. Я не спрашивал – пусть каждый сам думает. Ложись спать: время идёт, ночью жить не надо, я свет люблю – мне его мало видеть осталось.

Назар. А что ты будешь делать?

Суфьян. Пойдём со мной. Я буду теперь Бахши, буду ходить и петь по аулам, по кибиткам, пока не помру. Со мной всех людей встретишь, ты станешь мне подпевать и кушать со мной угощение...

Назар. Я могу выдумать тебе новые песни, которых другие бахши ещё не знают.

Суфьян. Ты мне спой их по дороге... *(Они уходят, хозяин с сыновьями исчезают).*

Сцена 27.

Голос Назара. До самого лета мы ходили вдвоём по аулам, по окраинам городов и кочевым кибиткам. Суфьян играл народу на дутаре и пел, а я ему иногда подпевал... *(Они скитаются по земле).* Мы прошли все оазисы от Чарджуя до Ашхабада, -- были в Байрам-Али, в Мерве, в Уч-Аджи, удалялись по колодцам и такырам и, наконец, от Ашхабада побрели на Дарвазу. И нигде я не встретил знакомого человека из своего народа, и я уже утомился от блуждания, тщетной надежды, от тоски и памяти по Ксене, Айдым и Ханом.

Назар. Что могло случиться со всеми людьми из джана? Отчего их нигде нет?

Суфьян. Один или двое могли умереть, но остальные будут целы. Жизнь для такого народа, как джан, нетрудна и любопытна, раз он уже перетерпел долгое смертное томление. Он сам себе выдумает жизнь, какая ему нужна. Счастье у него не отынешь...

Голос Назара. В Дарвазе мы жили три дня. После того мы попрощались. Суфьян задумал идти по кочевьям на Гассан-Кули, на реку Атрек, а я решил идти домой через Хиву на Усть-Урт. Я надеялся, что Ханом будет ждать меня в Хиве, но она ушла. Ушла искать меня... Тоска по утраченной, бедной Ханом уничтожила во мне всю усталость, тело моё стало сильным и горячим, чтобы бороться со своей печалью. Если бы я остановился, я бы уже не смог справиться со своим отчаянием: я бы заплакал или умер.

Сцена 28.

Назар возвращается домой и видит, что долина, оставленная им, его процветает: в полях – отары овец, в домах – люди народа Джан. Ему навстречу выбежала Айдым, он поднял её на руки поцеловал.

Айдым. Я в пески ходила тебя смотреть, думала – ты близко... Там верблюда нашла. А там есть колодезь, у него сруб сделан из саксаула – верблюд лежал горлом на срубе, смотрел на воду в колодце и капал туда изо рта слюной. Он уже ослаб и хотел умирать, я пошла домой, взяла ведро с верёвкой и дала ему пить...

Назар. Теперь пришёл навсегда...

Айдым. Я тебе обед пойду стряпать, ты ведь уморился и есть хочешь. *(Она убегает, и вдруг превращается в Ханом).*

Ханом. Назар...

Назар. Ханом! Ты здесь? *(Выходит кукловод. У него кукла Моллы Черкезова).*

Молла Черкезов. Здравствуй Назар!

Назар. Разве ты видишь меня?

Молла. Немного вижу. Я уже давно привыкаю глядеть, но ведь раньше еды не было и душа болела, с чего было взяться глазам? Теперь она мне протирает глаза, целует их, и они видят свет в тумане...

Назар. Кто их целует?

Молла. Ханом. Она моя жена. Я взял её с собой их Нукуса. Ханом пришла туда из Хивы и жила одна на базаре...

Назар. Понятно...

Молла. Спи. Айдым сказала, что тебе надо поспать.

Назар. Я проснулся... Откуда у вас овцы, верблюды, где вы взяли это небедное добро?

Молла. Овец мы заработали... Как же ещё? Мы работали, где кому пришлась выгода.

Назар. Теперь вы будете богатыми.

Молла. Теперь устроимся и будем. Мы по-мёртвому жили, а по-хорошему жить нам не трудно.

Молла. Не интересно даже.

Назар. Пока пусть нам будет хорошо, это самое интересное. Горе и печаль к нам тоже ещё придут, но пусть наше горе будет не такое жалкое, какое было у нас, а другое. Наше горе было похоже на горе ящерицы или черепахи. А новые люди из какого племени?

Молла. Мы – джан. Все мелкие имена и семейства, живущие в нелюдимых местах пустыни, Амударья и Усть-Урта, называют себя одинаково – Джан. Это их общее прозвище, данное им когда-то богатыми баями, потому что джан есть душа, а у погибающих бедняков ничего нет кроме души, способности чувствовать и мучиться...

Сцена 29.

Голос Назара. До конца лета я жил в своём народе на Усть-Урте. В ауле к тому времени прибавилось три новых глиняных дома и четыре женщины зачали от своих мужей и понесли в себе детей. Но в конце ноября я попрощался со своим народом. Вместо себя старшим человеком народа я посоветовал оставить Ханом, хотя она и носит ребёнка от Моллы Черкезова уже пятый месяц. Народ подумал немного и согласился: женщина часто бывает лучше мужчины, мать дороже или милее отца. Айдым я тоже уводил с собой...

Назар. Я отдам тебя в Москве на обучение. А когда ты станешь учёной девушкой, то сама придёшь домой на Усть-Урт и научишь всех, кто тебя дождётся, как правильно жить дальше...

Голос Айдым. В Москву... Весь народ джан вышел нас провожать. Сойдя во впадину Сары-Камыша, Назар оглянулся – весь народ всё ещё стоял на взгорье и следил за ним.

Назар. Айдым, посмотри на всех, кто остался... Попрощайся!

Айдым. Я всё равно вернусь ведь домой когда-нибудь, тогда их и увижу...

(Народ Джан исчезает, они в дороге, затем в поезде и...)

Сцена 30.

Назар и Айдым в Москве. Айдым начинает превращаться в Ксению.

Голос Назара. В Москве меня встретила Ксения, выросшая и другая, чем во время нашей разлуки, как настоящая женщина. Она была в пальто с большим серым воротником и в чёрной шапочке – в Москве шла зима. Она подбежала ко мне и обняла.

Назар. Куда мы поедим?

Ксения. К моей маме. Я забронировала её комнату для вас... Вы придёте ко мне?

Назар. Да.

Ксения. Только у меня адрес теперь другой. Я живу отдельно. Я одна, а вашу телеграмму мне бабушка переслала...

Голос Назара. В большой комнате, убранной мебелью Веры, я сел на постель, не раздеваясь, потом положил голову поверх одеяла; прежний вечный запах Веры ещё хранился в её постели... *(Ксения превращается в Веру. Они снова танцуют, как в самом начале истории... Но Вера исчезает, появляется Ксения).* Я взял руку Ксени в свою руку и почувствовал дальнейшее поспешное биение её сердца, будто душа её желала пробиться оттуда ко мне... Ко мне на помощь. Я убедился теперь, что помощь ко мне придёт лишь от другого человека...

Ксения превращается в Айдым, которая вдруг становится Ханом, и вот все четыре женщины сливаются, сохраняя каждая своё нечто самое главное, самое значительное...